

ТЕАТР: МИНИПОРТРЕТЫ

Помолчим
о мужских

Заканчивается 1975 год. год женщины. В эти последние дни уходящего года коллектив Русского драматического театра им. Н. К. Крупской отмечает свое сорокалетие. Значительную часть его творческого коллектива составляют женщины. Поговорим о некоторых из них, о их лучших работах, о тех особенностях дарования, что составляют неповторимую творческую индивидуальность каждой актрисы. А о мужских сегодня можно и помолчим.

ЛЕГКО ли сыграть Пеллею в пьесе «Пеллея и Альфа» по рассказам Ф. Абрамова? Вероятно, очень трудно. Она ведь не только великая труженица, гордящаяся своей профессией, но и стяжательница, более того — воровка. За какие-то полтора часа сценического времени надо прожить за нее самую трудную пору ее жизни, полную разочарования и горького презрения.

Когда Мария Сергеевна Стряпкина выходит на сцену в роли Пеллеи, мы, зрители, замечаем, что ее поведение смутный оттенок неблагоприятия. Что-то тревожит ее. Мы еще не знаем причин ее тревоги, но уже понимаем, что этот тусклый, ушедший в себя взгляд, — не только от усталости, но и от душевной боли.

Так Стряпкина начинает повествование о своей героине. Найдя и отработав внешние подробности — походку, манеру держаться, она, как бы оттолкнувшись от них, переходит к подробностям психологическим. Исполняя, от детали к детали, словно живописец мазками, выписывает характер Пеллеи, чтобы и концу спектакля показать ее нравственный крах, заставить нас и приваляться к ней, и осудить ее.

Такова манера игры Стряпкиной. Некоторые считают ее актрисой прежде всего «бытовой», любящей сочные густые краски. Такое определение неточно и неполно. Да, Мария Сергеевна может и любить сыграть, скажем, купчиху из пьес Островского, да так, что невольно вспомнишь «кудесниковских» женщин. Однако всегда за внешней характеристикой видишь точный психологический рисунок.

Вспомнилась, например, ее Мария Михайловна из пьесы Погодина «Верность». Спектакль этот не стал событием, да и само представление грешило заданностью. Стряпкина же отыскала в своей героине черты яркого, своеобразного характера.

На отношении Марии Сергеевны к работе можно остановиться подробнее. Она неслучайно славится дисциплинированностью: не позволяет себе расслабиться, сыграть в последний раз, приблизиться к последнему спектаклю. Не припомнить случаи, чтобы она, как говорится, «отбарабанила» хоть одну фразу, не вкладывая в нее эмоций, как это допускают, к сожалению, иные актеры.

С именем Тамары Варнавских связан длинный ряд удачных спектаклей, определивших лицо театра за последние двадцать с лишним лет. Юлия Тугина из «Последней жертвы» Островского, Валька из «Иркутской истории» Арбузова, Маша из «Кремлевских курянов» По-

година, Федра из одноименной трагедии Расина, Елена из горьковских «Мещан», Надежда из его же «Варваров», Ева из «Божественной комедии» Штока — назовем первое, что вспомнилось, всех же ролей были десятки.

Во время Второй декады киргизской литературы и искусства в Москве, посетив «Кремлевские курянов», известный критик Е. Суриков дал высказки «о тонкой работе Варнавских в роли Маши. «Чувствуется», — говорил он, — что актриса знает о своей героине очень много, гораздо больше, чем есть в тексте». Это характерная для Тамары Александровны черта. Она стремится проникнуть в глубину, представить себе предшествующую жизнь своей героини. Ей свойственна мягкость рисунка, зрительность, открытая эмоциональность.

В даровании Варнавских есть и другие краски. В ее недавних ролях появилась жесткость, порой эксцентричность рисунка. Такова тетья из «Старого Нового года» — резкий штрихами выписанный шарж на «старого работника культуры». Такова жена Геббельса из «Юнца» Шатрова — зловещий образ нацистской фанатички, до последнего дышанья преданной изуверским идеям Гитлера.

Что зритель сыграть Тамару Александровну? Трудно предугадать, потому что актриса не раз удалялась от зрителя, открывая новые стороны своего дарования.

Марияну Куликову фрунзенские зрители узнали не так давно. Она работает здесь третий сезон, сыграла всего несколько ролей. Но запомнилась. Видимо, потому, что у нее есть своя тема или, точнее, своя стихия, в которой она чувствует себя особенно свободно. Это стихия многограсочного, по-вагнеровски искреннего зрелища, всегда захватывающего зрительный зал.

Уже в «Старом Новом году» завоевал заворающий смех Куликовой, игравшей жену Полудулова. В этой сравнительно небольшой роли она обратила на себя внимание той непередаваемой «изюминкой», что итальянцы называют «брио».

Следующие работы — «Мадлен в «Платке Мольера» К. Гуцкова и Миледи в «Трех мушкетерах» по А. Дюма подтвердили и расширили представление о возможностях актрисы. Куликова очень пластична, она легко и изящно движется, танцует, продолжает почти акробатические трюки. С блеском проводит она, например, сцену схватки с д'Артаньяном, демонстрируя завидную физическую подготовку.

Впрочем, как мне кажется, не в этом главная черта Куликовой как актрисы. Самое

длин ли мы ее, скажем, героиней пьес Чехова или Шекспира? Будущее покажет.

Последняя роль Людмилы Пыховой настолько интересна, что нельзя не сказать о ней несколько слов. В «Энергичных людях» Шкунина она играет Веру Сергеевну, жену главного героя этой удивительной сатирической комедии. Роль очень трудная — Вера Сергеевна присутствует на сцене примерно в половине эпизодов, текста же ей отведено мало. Попробуйте-на битый час выслушивать длинные монологи партнеров и при этом все время «жить в образе». Уметь наполнить паузы — едла ли не самое трудное в трудном актерском ремесле. Пыхова делает это с неистощимой изобретательностью. Для каждого партнера она другая. Меняются инициалы, манера держаться, мимика. Из этих подробностей постепенно проявляется образ — образ мещанин, стяжательницы, которая по ходу пьесы и разоблачить-то мужа решает не из какой-то там гражданственности, а из-за элементарной ревности.

Зрелый профессионализм, заметный и в прежних работах Пыховой, сказывается в этой последней роли особенно явно.

Когда же речь заходит о творческой молодости, о профессионализме говорят еще рано. Из молодых, пришедших за последнее время в коллектив театра, пожалуй, наиболее примечательны Гали Шатина и Тая Кошак. Обе они недавно окончили театральную студию, обе активно заняты в текущем репертуаре.

Шатина чаще всего играет ведущих ролей, с открытым характером, добрых и веселых. Подкупает ее непосредственность, искренность, живой нрав. Самая серьезная ее работа — Лиля Брычкина в спектакле «А зори здесь тихие...» по повести Б. Васильева. Гали играет прежде всего надежность этой простой и сильной натуре.

Шатина — способная актриса, сделавшая своими первыми работами серьезную заявку. Тревожит, пожалуй, одно — театр использует ее в ролях примерно одного плана, ориентируясь на ее внешние данные. Так ведь легко и зашатаваться...

Кошак — маленькая, худенькая, как говорится, и сам бог велел играть мальчишками. В театральном мире актриса такого типа называется «звездой». В «Двух кленах» она с увлечением создает образ Изабеллы, смелливой, энергичной героини народных сказок. Можно предвидеть, что в этом плане юную артистку ждут удаи.

Впрочем, в спектакле «А зори здесь тихие...» она проявила себя в совсем ином качестве, сыграв Гали Четвертак — мексиканку, уловляющую девочку с легкой ранимой душой. Стоит продолжать такого рода попытки.

Мы познакомились с двумя актрисами всех поколений — старшей, средней и молодой. Все они очень разные. Но всех их объединяет та любовь к театру, которая невозможна без полной самоотдачи, великому искусству Мельпомены. И каждая из них занимает свое особое место в коллективе, отмечая свое сорокалетие.

Д. КОЧНЕВ.

На снимках: (сверху вниз) М. СТЯПКИНА, Т. ВАРНАВСКИХ, М. КУЛИКОВА, Л. ПЫХОВА, Г. ШАТИНА и Т. КОШАК.

Фото В. Шахова.

характерное для нее — быстрая через край жизнерадостность, яркий темперамент. В каждую роль (я не упоминал еще об изысканной Кочке в «Двух кленах» Е. Шеварца) она вносит свою увлеченность, ей весело быть на сцене, жить полнокровной, стремительной жизнью своих героинь. А что дальше? Уви-